

ББК 63.3(2)614-68

А.С. Ложкина

Япония в представлениях советского военного руководства 30-х гг. XX в.

Ключевые слова: Япония, военная элита, представления о «другом», советско-японские отношения.

Keywords: soviet military elite, Japan, geopolitical threat, international situation, opposition of military groups, struggle between old and new elite, war conflicts.

Построение нового общества, «социалистическое наступление по всем фронтам» в СССР в 30-е гг. XX в. происходило в условиях нарастания военной угрозы как со стороны Запада, так и Востока. Военный компонент являлся неотъемлемой частью внутренней и внешней политики Советского Союза.

Советская военная элита была частью советской номенклатуры. Ее взгляды, представления оказывали влияние на руководство при принятии стратегических решений. Общими отличительными чертами номенклатуры были корпоративность, изолированность от общества, осознание своих групповых интересов, развитая сеть неформальных коммуникаций, наличие своего языка общения, отсутствие четкой границы, разделяющей служебную деятельность и частную жизнь.

Однако сознание военной элиты высшего командного состава отличалось более высокой степенью моральной ответственности перед людьми, которых они посылали на смерть, жесткой иерархичностью. Психологические особенности определялись принадлежностью к конкретным родам Вооруженных сил. Сознание военной элиты можно охарактеризовать как классовое; после Гражданской войны «армия стала приобретать психологию толпы и заражаться теми идеями, которые владели обществом» [1, с. 110–111].

Несмотря на значимость военного компонента в руководстве страны, высший командный состав находился под влиянием И.В. Сталина и подчинялся политической элите. При этом относительно независимую позицию занимало несколько высших командиров, чьи профессиональные качества и знания, заслуги перед Родиной позволяли им отстаивать свои убеждения в спорных моментах. Для 30-х гг. во взаимоотношениях власти и военных характерно было противоречие между геополитическими интересами руководства страны и военно-стратегическими планами, разработанными военспецами на основе глубокого, всестороннего анализа стратегий и тактик Вооруженных сил зарубежных стран.

Формирование «новой» военной элиты в основном завершилось к июлю 1931 г. Согласно данным С. Минакова, начиная с 1924 по 1931 г. номенкла-

турный состав военной элиты обновился на 80% [2, с. 352]. Лидирующие позиции заняли военные, которые стремились к модернизации Красной армии на основе знаний и опыта, которые они получили на Западе, в частности в Германии (М. Тухачевский, И. Уборевич, И. Якир). Они уже имели иное представление о мире, сформировали свои информационные каналы, установили внешние контакты. Все это в совокупности давало им возможность более объективно подойти к оценке ситуации на западном и восточном фронтах.

Внутри военной элиты можно выделить группировки, которые поддерживали тот или иной курс в определении стратегии, в направлении модернизации РККА. Одна из них объединялась вокруг М. Тухачевского, другая вокруг Я. Гамарника и И. Якира, третья – А. Егорова, четвертая – И. Уборевича.

Всем им была присуща более или менее отчетливо выраженная оппозиционность по отношению к наркому К. Ворошилову и его ближайшему окружению, а также соперничество друг с другом. Вызвано это было не только личными настроениями или амбициями, но и определяющими социокультурными признаками. «Красные партизаны» из бывших солдат, унтер-офицеров, командиры «рабоче-крестьянского» происхождения и воспитания часто с откровенной неприязнью, даже ненавистью относились к «золотопогонникам», «белой кости», «аристократам», бывшим офицерам. Такая позиция была достаточно типична и генетически связана еще с настроениями «классовой борьбы» периода Гражданской войны [2, с. 384].

К.Е. Ворошилов поддерживал в армии традиции Гражданской войны, не желая усваивать последние достижения в стратегии и оперативном искусстве. В сугубо военных вопросах он был малокомпетентен. Ему противостоял маршал М.Н. Тухачевский, поддерживавший все новое в военной науке и технике; он способствовал развитию военной теории и внедрению ее достижений в практику строительства Вооруженных сил.

Таким образом, в 30-е гг. при выработке стратегических планов происходили столкновения не только по линии власть–армия, а также внутри самой военной элиты, что ослабляло ее, делало рыхлой и зависимой от политического руководства.

К началу 30-х гг. японская и российская/советская армии на полях сражения встречались дважды (Русско-японская война 1904–1905 гг., военная

интервенция Японии на Дальнем Востоке 1918–1922 гг.). В начале XX в. в России японцев воспринимали как «дикарей», «азиатов», варваров, «макак». В ходе непосредственного военного столкновения эти стереотипы были частично разрушены, а Япония стала восприниматься как сильный соперник с отличительной стратегией и тактикой. Японцы в глазах военных оказались цивилизованным народом, способным на благородные поступки. Однако горечь поражения нанесла определенный отпечаток на сознание элиты, которая надеялась на реванш, и, следовательно, далекая страна воспринималась ими в первую очередь как враг.

18 сентября 1931 г. Квантунская армия начала оккупацию Маньчжурии, в результате которой 9 марта 1932 г. было провозглашено независимое государство Маньчжоу-го. Япония вела подготовку к крупномасштабным действиям против Советского Союза: наращивалось военное присутствие, строились транспортные сообщения, устраивались многочисленные провокации на границе, осуществлялись попытки проникновения на советскую территорию. Таким образом, над Дальним Востоком нависла угроза нападения со стороны мощного врага. Перед политической и военной элитой встал вопрос о выборе приоритетного направления при создании военно-стратегического плана, а также об оценке сил соперника и его боевой готовности.

Интересными для анализа военного мышления являются представления о Японии наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова, заместителя наркомвоенмора и председателя РВС СССР М. Н. Тухачевского и командарма 1-го ранга И.П. Уборевича.

Как уже было отмечено, К. Ворошилов был представителем «старой» элиты, не проявлял интереса к нововведениям в армии, но был верным соратником И.В. Сталина. Его представления основывались на информации, которую получал вождь: можно с уверенностью сказать, что взгляды Ворошилова были полностью идентичны представлениям Сталина.

В начале 30-х гг. нарком рассматривал Японию как геополитического соперника на Дальнем Востоке. С началом официальной антияпонской пропаганды он начал делать резкие замечания в отношении японцев. Так, на XVII съезде ВКП (б) Ворошилов заявил: «Свиное рыло японского империализма, проткнутое на наш дальневосточный советский огород, будет ущемлено очень больно и очень основательно» [3, л. 131]. В целом он оценивал японскую армию как сильную, оснащенную всеми средствами, имеющую шансы на победу.

Ворошилов придерживался мнения, что война с Японией будет большой и сложной, так как обе страны нарастили огромный военный потенциал, следовательно, восточный театр военных действий он считал наиболее вероятным.

Полная зависимость от политического лидера, оценка противника с сугубо классовых, политических, военных позиций свидетельствует об ограниченных представлениях Ворошилова о Японии. Основным его информационным каналом были сводки, донесения ОГПУ–НКВД, отмечающие рост японской армии, ее перевооружение, создание крупной агентурной сети на Западе и Ближнем Востоке.

В отличие от К. Ворошилова, М. Тухачевский был сторонником модернизации армии, особенно ее кадрового состава. Председатель РВС СССР придерживался мнения, что оперативно-стратегическим направлением №1 являлось западное направление. Этот вывод основывался на проведенном им анализе ситуации в Европе, личном опыте, который он получил в результате командировок на Запад. Тухачевский полагал, что Япония вступит в войну только после того, как ее начнут против СССР Германия и Польша.

Учитывая силу и мощь японского флота, Тухачевский в своих записках к Сталину основными методами борьбы считал применение воздушного и подводного флота, а также торпедные катера [4, л. 82]. Ставку он делал на то, что японцы не разместили крупные морские силы около границ СССР, поэтому мощный воздушный удар уничтожит угрозу и обеспечит безопасность границ со стороны моря. Также Тухачевский акцентировал внимание Сталина на том, что Япония активно развивала авиацию, в основном истребительную, разрабатывала химическое оружие.

Таким образом, М. Тухачевский выделил две ударные силы японской армии: мощный морской флот и сильную авиацию. Маршал считал, что разработка методов борьбы по этим двум направлениям принесет успех Красной армии.

В отличие от М. Тухачевского, И. Уборевич и И. Якир не считали Германию противником №1, а западный театр военных действий – первостепенным. К этой позиции, например, Уборевич подошел после возвращения из поездки по Западной Европе. Внимание командармов было обращено на дальневосточные границы, они придерживались мнения, что в ближайшее время нужно ждать нападения со стороны Японии.

На совещании в Западном обкоме ВЛКСМ в 1936 г. Уборевич высказал свою точку зрения по проблеме выбора приоритетного направления во внешней политике, а также дал характеристику японской армии. Выступление командарма 1-го ранга является примером оценки восточного общества с классовых позиций. Однако, несмотря на это, Уборевич пытался показать японскую армию, учитывая культурные традиции, что свидетельствовало о широте его кругозора, профессионализме, всестороннем подходе к изучению соперника. Это был яркий пример формирования нового мышления советской военной элиты, которая стремилась к модернизации Красной армии. Новое поколение понимало, что для построения мощной

армии надо учитывать достижения и опыт военного искусства других стран. Анализируя японскую армию, останавливаясь на определенных аспектах, Уборевич пытался показать аудитории недостатки Красной армии.

Так, командарм обратил внимание на систему воспитания в японской армии: «К воспитанию солдат привлекаются родители. Например, применяется очень популярный способ: в армию является солдат вместе с отцом, матерью, невестой, братом, сестрой, и устраивается торжественнейшая встреча родителей, которые привели бойца, с командиром. Тут же ему (новому солдату) передается оружие» [5, с. 39.]. Видимо, Уборевич понимал, что описанный им пример свидетельствовал о привлечении традиций в воспитании бойцов, о преемственности поколений, об уважении к старшим, что отправка молодых людей в армию являлась большим событием и ритуалом для каждой семьи. Все это в целом поднимало нравственное и духовное состояние армии. В дальнейшем он подчеркнул, что солдаты очень послушны и выносливы, у них высокая техническая выучка.

Проблема дисциплины и воспитания в Красной армии была актуальной. Среди военного состава было распространено пьянство, росло число самоубийств. Уборевич понимал, что во многом виновато командование, — оно было слишком удалено от рядового состава. Следовательно, по его мнению, в Красной армии назрело решение кадрового вопроса. Особенность японской армии он видел в отличном офицерском составе, хорошем взаимоотношении солдат и офицеров. «Там офицер и начальник — почти родной отец. Он уходит из казармы только после того, как поужинает солдат» [5, с. 38]. Таким образом, изучая армию других стран, военное командование искало решение проблем РККА.

Среди отличительных черт японской армии он выделял наличие мощного флота, увеличение воздушных сил. Анализируя внутреннюю политику дальневосточного соседа, Уборевич обратил внимание на то, что противоречия в стране благодаря религии, особому воспитанию армии, особой политике не очень сильны. Военщина Японии буквально расправляется с правительством, как добрая кухарка с дичью или как повар [5, с. 38].

Данное высказывание отражает сложившуюся ситуацию взаимоотношений между властью и армией в СССР. Сравнивая два государства, Уборевич пришел к заключению, что в СССР отсутствие точки соприкосновения между политическими и военными кругами в вопросе модернизации армии и определения военно-стратегических целей, постоянные кадровые перестановки ослабляли боеспособность РККА. Командарм подчеркнул, что исторический опыт, традиции имеют большое значение в воспитании общества и солдат.

Акцентируя внимание на влиянии японских военных кругов, которое они оказывали на правительство, Уборевич подчеркнул отличие положения советской военной элиты, которая полностью была подчинена руководству страны.

Однако в заключение командарм обратил внимание аудитории, что завоевательной политике Японии может противостоять только Советский Союз. Данное заявление имело прежде всего агитационный характер, но также основывалось и на тех успехах, которые достигла Красная армия по укреплению дальневосточных границ.

В целом Уборевич оценивал Японию как сильного противника, у которого имеется ряд преимуществ над Красной армией.

Таким образом, среди военной элиты не было однозначной оценки Японии как соперника. Ворошилов и Уборевич придерживались мнения, что война с дальневосточным соседом начнется раньше. Тухачевский считал, что основные силы необходимо сосредоточить у западных границ, и необходимо проводить военные стратегические игры для выявления слабых сторон Красной армии.

В 1930-е гг. произошло два военных столкновения между Японией и СССР, в которых армии продемонстрировали свои силы. Первой «пробой сил» государств стали события на озере Хасан летом 1938 г. В результате ожесточенных боев 11 августа между государствами была достигнута договоренность о прекращении огня. Однако почти через год произошел новый военный конфликт на реке Халхин-Гол. Боевые действия продолжались с мая по сентябрь 1939 г. и завершились полным разгромом японцев.

Эти события были первым опытом контакта советских и японских военных, в результате которого у обеих сторон претерпели изменения представления друг о друге. Военные конфликты на озере Хасан и реке Халхин-Гол были не только демонстрацией сил, они показали, насколько военные расчеты, выбранные стратегии оказались верными.

Г.К. Жуков, который командовал войсками на Халхин-Голе и который всегда выступал против недооценки противника, при встрече с И.В. Сталиным следующим образом охарактеризовал японскую армию: «Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя. Дисциплинирован, исполнительен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед харакири. Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону» [6].

Техническую оснащенность японской армии Жуков оценивал как отсталую, особенно танковых диви-

зий. Однако авиация получила положительный отзыв с его стороны. Выводы Жукова свидетельствуют о том, что произошел разрыв между поколениями военных после репрессий 1937 г.: заключения, выводы, сделанные арестованными военспецами, представителями военной элиты остались не востребованными. Победа РККА далась ценой огромных людских потерь, так как, в отличие от японской армии, в Красной ставка делалась на численность, на силу. События на реке Халхин-Гол вскрыли многие проблемы советской военной тактики и стратегии.

В целом Жуков характеризовал японскую армию как отважную, хорошо подготовленную, с продуманной стратегией, отличным знанием топографии: «По всем данным, японские разведчики провели тщательную рекогносцировку и даже издали неплохие топографические карты района реки Халхин-Гол. По этим картам японцы предварительно провели несколько больших и малых военных игр, тщательно прорепетировали на картах захват данной местности и на всякий случай ее оборону» [7, с. 25].

Восхищение японской стратегией также высказал командир полка И.И. Федюнинский: «План наступления был продуман до мельчайших подробностей и деталей. Причем не только продуман, но и в достаточной степени обеспечен силами и средствами» [8].

Опыт советско-японских конфликтов ценен был тем, что военное руководство познакомилось с японскими традициями, культурой, с другой стороны открыло для себя Японию. Так, весьма часто им приходилось сталкиваться с непонятным и чуждым русским традициям явлением — сожжением убитых солдат. Однако большей частью они знакомились с японским бытом косвенным путем, через захваченные трофеи.

На полях сражения советские войска столкнулись не только с отвагой японцев, но и их жестокостью. Многие представители командного состава отмечали бесчеловечность, безжалостность японских солдат. Например, Герой Советского Союза П. Терешкин вспоминал, что «на глазах бойцов вражеская пуля сразила лейтенанта Махалина. Японский офицер подбежал к нему и в дикой злобе два раза рубанул саблей уже неподвижное тело» [9, с. 26].

Таким образом, советский командный состав имел достаточно фактов для формирования образа японца как жестокого, беспощадного врага. Советскими военными японский народ воспринимался как варварский, так как расправлялся с противником средневековыми методами. Непонимание японской культуры было обусловлено отсутствием контактов с японцами в мирное время, влиянием официальной пропаганды, сложившихся стереотипов о Японии как стране самураев. Столкновения военных тактик, стратегий показали пропасть, которая существовала между западным и восточным мышлением, вскрыли социокультурные различия.

Полученные представления о сопернике в результате советско-японских конфликтов во второй половине 30-х гг. дали значительный материал для советской военной мысли и искусства в выработке дальнейшей стратегии по отношению к дальневосточному соседу. Однако полученная информация и опыт могли быть истолкованы неверно в силу ограниченности культурного кругозора. Непосредственное столкновение с Японией выявило степень готовности Красной армии к боевым действиям против внешних врагов. Военное командование, сравнив советского и японского бойцов, пришло к заключению, что, несмотря на героизм и отвагу красноармейцев, их моральное состояние оставляло желать лучшего.

Подведем некоторые итоги. В течение межвоенного периода представления военной элиты о Японии не были статичными, они изменялись под влиянием международной обстановки, противостояния между военными группировками, борьбы «старой» и «новой» элиты, военных конфликтов 1938, 1939 гг., профессиональной подготовки.

Большинство представителей военной элиты дали высокую оценку японской армии, стратегии и тактике. Основными ее особенностями являлись активная оборона, доминирующая роль флота, авиации, развитие химических средств борьбы, дисциплинированность, отличная подготовка боевого состава. Военные подчеркивали значимость разведки, смекалку и хитрость японцев.

После «первой пробы» сил военное командование отметило отвагу, преданность японских солдат, четкое стратегическое планирование, однако слабостью японцев оказался офицерский состав, который оказался не способен решать оперативные задачи.

В результате боев в сознании военных сформировался образ Японии как беспощадного, жестокого врага. Военная элита оценивала японцев только с военной, профессиональной точки зрения, не принимая во внимание социокультурные особенности данной страны. Хотя, как показали военные столкновения, было важно и необходимо учитывать национальные особенности, так как японское командование разрабатывало тактику и стратегию исходя из культурных традиций, исторического опыта, геополитического положения.

Разработка стратегии и тактики в отношении Японии показала все особенности взаимоотношения между советской политической элитой и военной элитой как ее составной части, раскрыла специфику советской системы власти, где решения принимал один человек. Репрессии 1937 г. свидетельствовали о том, что руководство страны не готово было принять меры по модернизации Красной армии, так как слишком сильны были позиции, влияние героев Гражданской войны.

Однако военные конфликты у озера Хасан и реке Халхин-Гол показали, что в советской армии существовали большие проблемы с командным составом высшего уровня. Это был знак к тому, что не-

обходимо изучать и перенимать опыт и достижения военного искусства других стран, при этом учитывая специфику и особенности развития советского государства.

Библиографический список

1. Краснов, П.Н. Душа армии. Очерки по военной психологии / П.Н. Краснов // Душа армии. – М., 1997.
2. Минаков, С.Т. Военная элита 20–30-х годов XX в. / С.Т. Минаков. – М., 2004.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 22.
4. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 3. – Д. 447.
5. Два очага опасности (выступление командующего Белорусским военным округом командарма 1 ранга И.П. Уборевича на совещании в Западном обкоме ВЛКСМ в 1936 г.) // Военно-исторический журнал. – 1988. – №10.
6. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков [Электронный ресурс]. – Режим доступа // www.militera.lib.ru/zhukov1/07.html
7. Жуков, Г.К. Халхингольский урок / Г.К. Жуков // Побратимы Халхин-Гола. М., 1979.
8. Федюнинский, И.И. На Востоке / И.И. Федюнинский [Электронный ресурс]. – Режим доступа // www.militera.lib.ru/memo/russian/fedyuninsky_ii/index.html
9. Терешкин, П. На сопке Заозерной / П. Терешкин // Пограничник. – 1967. – №10.